

бывает в резиденцию Чарторыйских, которую он будет неоднократно посещать в дальнейшем. Польское общество ждало от него шагов навстречу, и оно их получало. В 1811 г. во время своей речи в Вильно император заявляет о своем намерении восстановить Польшу. Внимание к польской проблематике, да еще и в таком позитивном ключе, трудно было бы представить без Адама Чарторыйского. Эти заявления о своих планах сами по себе поднимали польский национальный дух, подогревая процесс полонизации.

Ухудшение отношений с польской партией, на мой взгляд, начинается после 1807 г. Возможно, еще Аустерлиц подорвал уверенность императора в своих действиях и политике, но Тильзитский мир и создание Герцогства Варшавского, изменили взгляд центральной власти на поляков. В Западном и Юго-западном крае прошла волна конфискаций, росло недоверие к польской шляхте на фоне антифранцузской реакции [1, с. 195-207].

Война и создание Царства Польского изменили расклад сил на политической арене. Вильно перестал быть единственным культурным и политическим центром поляков в России, но все еще оставался очень влиятельным. Пик осложнений в отношениях между Александром и поляками придет на конец его царствования, когда в Виленском университете обнаружится существование тайных политических обществ.

Библиографический список

1. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914) / пер. М.А. Крисань. М., 2011.
2. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.

А.И. Овчинников

Самарский национальный исследовательский университет

ОЦЕНКА ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II СОВРЕМЕННОКАМИ

Оценки проведенной в 1860-1870-х гг. церковной реформы современниками носила различный характер, от одобрительных до самых негативных. Министр внутренних дел П.А. Валуев в своих дневниках писал о реформе в общих чертах, касаясь их по мере надобности. Он отмечал, что «...Чевкин, Муравьев и в особенности Блудов с жаром восставали против всякой перемены в законодательстве относительно иностранных исповеданий. Даже Прянишников прервал по сему предмету свое обычное молчание. Анненков тоже присоединился к противникам перемен по этому предмету. Защищали противное мнение кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин и я. Я защищал его, как всегда, не с точки зрения веротерпимости, а с точки зрения внутренней силы, свободы и достоинства православной церкви. Вел. князя, по-видимому, сочувствовали мне... Равным образом со-

чувствовали, но молчали гр. Адлерберг, пр. Ольденбургский и Княжевич. Государь колебался. Однако дело в сущности выиграно, ибо насчет «*manages mixtes*» (смешанных браках) разрешение только отсрочено, а в отношении к устранию стеснений при возведении иноверных храмов повелено ныне же дать делу установленный ход» [1, с. 136].

Описывая начало церковной реформы и сложную ситуацию в западных губерниях Российской империи, в Прибалтике и в Польше, П.А. Валуев отмечает: «Писал для государя записку о положении православной церкви и духовенства. Был у меня виленский епископ Красинский, Pere Robin в совершенстве. Он привез в кармане камень, брошенный ему в окно в Вильне месяца два тому назад, и в бумажнике ту записку, в которую был завернут камень. Он уверяет, что духовенство нигде не участвует в беспорядках» [1, с.116]. Далее, говоря о попечительствах, он оставляет запись «Вечером заседание духовного присутствия. Проведены кое-как правила о церковных попечительствах. На днях был у меня архиепископ Платон. Он говорит о смешанных браках и о раскольниках, как и сам. Не без удивления я его слушал, потому что хотя и предполагал нечто в этом направлении, но не так далеко. Я сказал ему, что желал бы видеть его митрополитом. Недаром. Он намекнул на возможность разделения митрополий С.-Петербургской и Новгородской» [1, с. 222]. В этом случае, П.А. Валуев показывает свое отношение к реформе, характеризуя ее как государственное дело. Однако можно проследить и его личное отношение к реформе, а также оценку степени участия в ее реализации — «...развил с некоторой подробностью мой взгляд на дело, приложив и копию с моего официального отзыва обер-прокурору св. Синода от 4-го марта, но частному вопросу о разрешении трех смешанных браков без отобрания подписок насчет воспитания детей в православии» [1, с. 275]. В целом, отношение к церковным преобразованиям П.А. Валуева положительное, по большей части безоценочное, присутствует факт участия в реформах, увлеченность ими. В ряде случаев он отходит от описания, выражая свое мнение относительно происходящего в России, об отношении к РПЦ, к старообрядчеству, показывая радикальность предлагаемых старообрядцами преобразований.

Другим современником, оценивающим реформу, был митрополит Московский Филарет (Дроздов). Его огромный авторитет, влияние и вес мнения были известны и современникам, и исследователям. В письме к еп. Леониду он пишет «Строго судят польских членов человеколюбивого учреждения за то, что они у бедных православных матерей покупают будущих детей, чтобы рожденных воспитывать в своем латинском вероисповедании. А как судить матерей, которые продают своих детей и их веру? И если начать сей суд, не коснется ли он и православных священников и православных 5 мирян не бедных, которые могли бы иметь лучшее польского человеколюбие и благочестие и не допустить продажи православных детей и их веры?» [2, с. 67]. Он описывает ситуацию сложного духовного и религиозного характера, предшествующую церковным преобразованиям, ко-

которые затрагивались и в ходе преобразований РПЦ. Комментируя ход реформирования Церкви, митрополит Филарет отмечает, что комитет о семинарском уставе «...произвел солидную работу, заключающую в дольно основных соображениях» [3, с. 210]. Далее владыка пишет: «Это плод тех лет, когда светское влияние преобладало, а духовная власть бездействовала, частью по препятствиям, но конечно и по своей невнимательности. Университеты подают худой пример. Студенты рукоплещут одному уроку одного наставника, и, следственно сим самым осуждают другие уроки и других наставников. Наставники сделались актерами; а ученики судьями своих наставников, и пишут о них бессмысленный приговор обеими руками на воздухе» [3, с.281]. Он описывает ту ситуацию, которая возникла, и осталась некоторое время еще и после реформы, во многих духовных высших учебных заведениях – вместо почтения и отеческого уважения к наставникам, семинаристы и студенты духовных семинарий и академий, подхватив у студенческих товарищей «дух демократии», вели себя в отношении наставников неподобающе, позволяя вольности, невнимания, неуважения, невнимательность в обучении, и помышляя больше о личном устройении, нежели о благе государства и отечества.

Подводя итог, можно сказать, что оценки современников носили определенно положительный характер, различаясь лишь степенью вовлеченности их авторов в процесс реформирования. Министр МВД П.А. Валуев разрабатывал планы реформ, а митрополит Филарет писал и предлагал лишь рекомендации к ним.

Библиографический список

1. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т./ П.А. Валуев; [ред., введ., биогр. очерк и коммент. П.А. Зайончковского] Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1: 1861-1864 гг. 420 с.
2. Письма Филарета к Леониду епископу Дмитровскому. М., 1883. 155 с.
3. Филарет, митрополит Московский [Дроздов] В.М. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 1,2. СПб.: Синодальная тип., 1885. 531с.

Т.В. Кроз

Самарский национальный исследовательский университет

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Основы научного изучения истории благотворительности в России были заложены еще в пореформенную эпоху. Вторая половина XIX века стала значимым этапом в развитии дела общественного призрения: реформы 1860-х годов,